Камалова С. Д. Дихотомия «свои — чужие» в дискурсе палестино-израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на материале романов Линн Рейд Бэнкс “Broken Bridge” и Глории Дубов Микловитц “The Enemy Has a Face”) / С. Д. Камалова // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 72—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-72-84.

Kamalova, S. D. (2018). Dichotomy “Own — Alien” in Discourse of Palestinian-Israeli Conflict from Point of View of Linguistic Imagology (on Material of Novels by Lynne Reid Banks “Broken Bridge” and Gloria Dubov Miklowitz “The Enemy Has a Face”). *Nauchnyy dialog, 2:* 72-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-72-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.111’42:316.483
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-72-84

Дихотомия «свои — чужие» в дискурсе палестино-израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на материале романов Линн Рейд Бэнкс “Broken Bridge” и Глории Дубов Микловитц “The Enemy Has a Face”)

© **Камалова Софья Дамировна (2018),** orcid.org/0000-0002-3714-824X,_SPIN-code 3793-7435, преподаватель кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия), salyam19@mail.ru.

Рассматривается семантическая оппозиция «свои — чужие» и ее трансформация в дихотомию «свои — иные» с позиции нового междисциплинарного научного направления — лингвистической имагологии. Дается определение новой сферы научного знания со ссылкой на немногочисленных авторов, развивающих данное направление. Исследование проводится на материале англоязычных художественных произведений, посвященных палестино-израильскому конфликту. Авторы исследуемых произведений представляют позицию израильской стороны противостояния. Анализируются языковые средства реализации лингвоимагологических механизмов и продуктов, таких как авто- и гетерообраз, стереотип, мифологема. Исследуются члены семантического ряда «иной, чужой, враг» и их актуализация в рассматриваемых художественных произведениях. На основе проведенного анализа выявляется тенденция рассмотрения израильской и палестинской сторон конфликта сквозь призму дихотомии «свои — иные», взамен оппозиции «свои — чужие», что указывает на стремление авторов исследуемых произведений обозначить близость двух

народов, возможность их мирного сосуществования, что подтверждается лингвоимагологическим анализом языковых средств. Переход противоположной стороны конфликта из круга «чужих» в круг «иных» достигается, в частности, объединением палестинских и израильских персонажей против третьих сил, что актуализируется посредством инклюзивного "*we*", параллельных конструкций, афористических высказываний и риторических восклицаний о необходимости прекратить вражду. Исходя из результатов исследования предполагается, что англоязычные авторы выступают за сглаживание противоречий, стремясь к репрезентации сторон конфликта как родственных народов, одинаково сильно желающих мирной жизни.

Ключевые слова: дихотомия «свои — чужие»; дихотомия «свои — иные»; лингвистическая имагология; палестино-израильский конфликт; автообраз; гетерообраз.

1. Введение

Сопоставление разных народов и культур входит в задачи теории межкультурной коммуникации, однако сегодня данная проблематика рассматривается также и в рамках нового научного направления на стыке теории межкультурной коммуникации, культурологии, этнологии, сравнительного литературоведения и лингвистики — лингвистической имагологии. Сам термин *имагология* происходит от латинского слова *imago* — образ и древнегреческого λόγος — знание [Теория …, 2014, с. 122—123], таким образом, имагология в широком смысле — знание об образе, стоит лишь уточнить, что это знание об образе другого, «чужого» народа, страны и ее представителей, то есть в основе имагологии лежит дихотомия «свой — чужой», которая, как указывал Ю. С. Степанов, «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 1997, с. 126].

Имагология сегодня является весьма популярной сферой исследования как за рубежом, главным образом в Европе, так и в России. Большой вклад в разработку теоретических основ имагологии внесли основатель так называемой Аахенской школы компаративистики Х. Дизеринк, занимающийся в том числе и философским обоснованием данной дисциплины [Dyserinck, 2003], и его последователь, нидерландский ученый Й. Леерссен, который вслед за Х. Дизеринком подчеркивает значимость исторического контекста в исследовании национальной репрезентации, кроме того, отводит важную роль прагматико-функциональному подходу, учитывающему целевую аудиторию произведения, его воздействие на читателя, ученый также указывает на необходимость отслеживать динамику взаимосвязи образа «других», называемого в имагологии гетерообразом, и образа «своих», называемого автообразом [Imagology, 2007, p. 27—28].

В России данное направление развивают, в частности, А. Р. Ощепков, рассматривающий имагологию как междисциплинарную гуманитарную

дисциплину [Ощепков, 2010, с. 251], и О. Ю. Поляков, анализирующий основополагающие работы зарубежных авторов, посвященные имагологии [Поляков и др., 2013]. Большой вклад в развитие имагологии также внесли выдающиеся российские литературоведы В. Б. Земсков [Земсков, 2011] и Н. П. Михальская [Михальская, 1995].

Работ в русле лингвистической имагологии значительно меньше. Данная сфера научного знания находится в стадии разработки. В частности, можно назвать диссертационное исследование К. В. Костиной, в котором лингвистическая имагология определяется как «раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [Костина, 2011, с. 28]. В свою очередь, А. В. Зеленин подчеркивает комплексный характер данного направления, утверждая, что «лингвистическая имагология позволяет воссоздать “карту”, матрицу образа *другого* в национальной культуре, явленную в языковых формах как в массовом восприятии, так и в индивидуально-групповом. Как правило, эта матрица существует как мозаичная картина, складываемая из мифов, стереотипов, личностных предпочтений» [Зеленин, 2013, с. 71]. Большое количество статей и докладов вышло из-под пера Л. П. Ивановой, которая использует термин *лингвоимагология* и считает одной из функций рассматриваемой области знания изучить языковую реализацию выражения образов в их связи с мировидением и талантом автора произведения [Иванова, 2016, с. 165]. По мнению Л. П. Ивановой, лингвоимагология позволяет объединить сразу несколько исследовательских позиций — лингвистическую, литературоведческую и искусствоведческую [Иванова, 2015, с. 56].

Таким образом, лингвистическая имагология как отдельная сфера научного знания изучает языковой аспект в репрезентации образа «чужого», «иного» народа или страны, сопоставляя при этом гетерообраз (образ «других, иных, чужих») с автообразом (образом «своих»).

Понятие гетерообраза, реализующее второй член бинарной оппозиции «свои — чужие / иные», может подразумевать разную степень отчужденности, о чем, в частности, упоминал Ж.-М. Мюра [Moura, 1992], на которого опирается польская исследовательница М. Швидерска [Swiderska, 2013], использующая в связи с этим латинские термины *alter* и *alius*. Так, *alter* является своего рода комплементарным членом диады, материализующимся в положительных или отрицательных этнических или национальных стереотипах, в то время как *alius* находится строго за пределами реальности конкретной группы, нации, культуры, приобретает символическое значение [Swiderska, 2013]. В русскоязычной традиции степень отчужденности

второго члена базовой в имагологии дихотомии реализуется рядом семантически связанных понятий — «иной», «чужой» и даже «враг» — как экстремальное проявление образа чужого.

2. Сопоставление понятий «иной — чужой — враг»

В фокусе внимания данного исследования находится репрезентация сторон палестино-израильского конфликта в англоязычной подростковой художественной литературе, а именно в произведениях Линн Рейд Бэнкс “Broken Bridge” («Разрушенный мост») [Banks, 1994] и Глории Микловитц “The Enemy Has a Face” («У врага есть лицо) [Miklowitz, 2003]. Авторы этих романов являются признанными мастерами своего дела: американская писательница еврейского происхождения Глория Дубов Микловитц является автором более 65 произведений для детей и подростков [King, 2005, p. 35], из-под пера британской писательницы Линн Рейд Бэнкс вышло более сорока произведений [Profile …, 2017], она не понаслышке знает о палестино-израильском противостоянии — в начале 1960-х годов вместе со своим возлюбленным Линн Рейд Бэнкс уехала жить в Израиль, где она стала свидетелем Шестидневной войны 1967 года [Lynne …, 2017].

В данных произведениях события представлены с позиций израильской стороны, а главными героями являются израильские подростки. Следовательно, автообразом является образ израильтян, а гетерообразом — образ палестинцев. В связи с этим представляется важным понять, о какой именно дихотомии идет речь в репрезентации израильтян и палестинцев как сторон затяжного военно-политического конфликта в контексте исследуемой литературы — «свои — чужие» или «свои — иные», ведь между вторыми членами этих двух оппозиций, как уже отмечалось выше, имеется принципиальное различие.

По мнению В. В. Феррони, «иной» — это тот, кто не разделяет моих ценностей в данный момент, то есть не имеет со мной общую систему ценностей, но потенциально готов понять мой выбор, хотя порой достижение понимания оказывается невозможным, с «иным» нет общего прошлого и настоящего, но возможно общее будущее [Феррони, 2012, с. 120]. Таким образом, понимание «иного» возможно в ситуации предстоящей встречи, готовясь к которой, мы можем мысленно моделировать возможное развитие событий, ставя себя на место «иного» [Феррони, 2012, с. 121]. И. В. Пахолова, в свою очередь, считает, что с «иными» возможно не только будущее, но и настоящее [Пахолова, 2015, с. 93]. В межнациональных отношениях, по мнению В. В. Феррони, «иным» может являться небратский народ, который вел или ведет войну против другого народа, при этом искренне

пытаясь понять его [Феррони, 2012, с. 120]. С «иным» есть возможность вести диалог, причем мы осознаем свое право сказать «нет» «иному», что приводит и к осознанию своей свободы и полноценности, хотя потенциально возможный отказ от диалога способен превратить «иного» в «чужого» [Феррони, 2012, с. 120]. Если, как было отмечено выше, с «иным» мы потенциально можем разделить общее будущее и, возможно, настоящее, то с «чужим», по мнению И. В. Пахоловой, невозможно разделить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее [Пахолова, 2015, с. 93], а по версии В. В. Феррони — мыслится лишь настоящее, которое по сути неуловимо, то есть «чужой» проявляет себя в отсутствии, небытии, представляется чем-то иррациональным, немыслимым, абсурдным, а значит, вызывает неприязнь, тревогу и страх, что в итоге может вылиться в ненависть и привести к стремлению уничтожить «чужих», понять которых невозможно [Феррони, 2012, с. 122], ведь между собственным и чужим, как отмечает немецкий ученый Бернхард Вальденфельс, находится непреодолимый порог, чужое обитает «где-то в другом месте» [Вальденфельс, 1999, с. 125]. Тем самым немецкий автор выделяет, помимо временного, также и пространственный аспект в определении чужести. В. В. Феррони заключает: «“Чужой” выглядит как инопланетянин, пришелец, “нелюдь” … “Чужой” непонятен, потому что Мы не хотим и не можем Его понимать, соизмеряя со своей уютной и привычной реальностью и обнаруживая, что места Ему в ней нет (как и нам нет места в Его реальности)» [Феррони, 2012, с. 125].

Экстремальным проявлением образа «чужого» является образ врага, хотя, по замечанию К. Шмитта, враг может и не быть злым с точки зрения морали или безобразным с точки зрения эстетики, экономическое сотрудничество с ним может даже быть выгодным, однако для противостояния достаточно уже того, что он чужой, иной [Шмитт, 1992, с. 39]. При этом в свое понимание врага Шмитт вкладывает идею именно «публичного» врага, а не приватного противника или конкурента, то есть «врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть» [Шмитт, 1992, с. 40].

3. Дихотомия «свои — враги»

В анализируемых произведениях образ врага представлен эксплицитно, как правило, в речи персонажей-подростков в виде ярлыков, при актуализации мифологем и стереотипов, например: *Even though he's no longer in Israel, Laith is a Palestinian, an Arab. The enemy. Why is he trying to be a friend? — Несмотря на то что он больше не живет в Израиле, Лаис — палестинец, араб. Враг. Почему же он пытается стать другом?* (здесь и далее перевод примеров наш. — *С. К.*) [Miklowitz, 2003, p. 62]. Эти слова

принадлежат пятнадцатилетней девочке по имени Нетта родом из Израиля, перебравшейся вместе с семьей в Лос-Анджелес и познакомившейся там со своим сверстником палестинцем Лаисом. В данном примере лексема *enemy* является ярлыком, базирующемся на мифе «все палестинцы — враги израильтян». Обратим внимание на выделение данного ярлыка как кульминации высказывания. Автором произведения использован прием градации, главный компонент которой оформлен в отдельное предложение. Определенный артикль усиливает мифологичность ярлыка. Так круг врагов оказывается сконцентрированным в одной точке — это именно палестинские арабы. Отметим также принципиальное решение Нетты называть территорию, где проживают палестинцы, именно Израилем, при том, что речь идет о городе Рамалла (на Западном берегу реки Иордан).

Однако скоропалительные выводы израильских подростков на протяжении произведений оспариваются более зрелым и взвешенным пониманием палестино-израильского противостояния представителями старшего поколения, как, например, в этом высказывании отца Нетты: *There are good ones and bad ones [Palestinians], just like good Jews and bad Jews. — Среди них [палестинцев] бывают и плохие, и хорошие, также как и евреи могут быть плохими или хорошими* [Miklowitz, 2003, p. 7]. Подобные высказывания в основном реализуются в виде сентенций и носят афористический характер.

4. Дихотомия «свои — чужие»

Образ «чужих» представлен более широко, как правило, за счет использования маркера чуждости *they* в высказываниях, образующих антитезу, зачастую включающих градацию, подчеркивающих глубину различий между двумя сторонами конфликта, их взаимоисключаемость. Например: *We don't trust them. They don't trust us. They hate us. We hate them. Where will it end? — Мы им не доверяем. Они нам не доверяют. Они нас ненавидят. Мы их ненавидим. Где же этому конец?* [Miklowitz, 2003, p. 115]. Однако вопрос, завершающий данный пример, хоть и является риторическим, тем не менее заставляет подумать над ответом, так как речь идет не о том, когда это все закончится, а где (where?). Надежда на завершение конфликта непоколебима, но какой ценой и при каких обстоятельствах этого удастся добиться, остается неизвестным.

Обратимся к другому примеру, где арабы предстают в образе «чужих», несмотря на попытку включить их в круг «своих»:

He knew about Arabs. Boy, did he know.

It was one thing to sit beside one in an old van — a friendly Arab, one of "ours". Even that could make your neck prickle. But if you'd stood in a street

in Gaza and had them running at you in waves, with masks covering their faces, hurling stones and curses at you, if you'd patrolled in Nablus and never known when a rock was going to drop on your head, if you'd driven in an open jeep through the streets of Hebron or the roads of the West Bank and not known when you might get hurt or even killed… then you knew. — Он все знал про арабов. Хорошо знал. Одно дело сидеть рядом с арабом в старом автобусе — добрым арабом, одним из «наших». Даже от этого по спине бегают мурашки. Но если ты бывал на улицах Газы и на тебя неслись волны арабов, в масках, забрасывая тебя камнями и проклятиями, если ты патрулировал Наблус, не зная, когда тебе на голову может упасть булыжник, если ты ездил в открытом джипе по улицам Хеврона или по дорогам Западного берега, не зная, когда тебя могут ранить или даже убить… тогда ты уж точно знаешь [Banks, 1994, с. 34].

В этом примере приводятся рассуждения о конфликте шестнадцатилетнего Нимрода, восхищающегося своим старшим двоюродным братом, отслужившим в израильской армии. Как видно, при включении арабов в круг «своих», «наших», обозначение этого круга взято в кавычки (“ours”), что указывает на условность, виртуальность подобного включения. Речь все же идет об образе «чужих», актуализирующемся и посредством градации с использованием параллельных конструкций (в условных придаточных), и гиперболизацией количества (*in waves*), и применением зевгмы (*hurling stones and curses at you*), усиливающей драматизм описания, и игрой коннотаций при использовании синонимов *a rock* (как правило, большая глыба [Longman Dictionary]) и *a stone* (небольшой камень [Longman Dictionary]).

5. Дихотомия «свои — иные»

Однако попытки объединить израильтян и палестинцев в единый круг «своих» имеют достаточно устойчивую тенденцию в исследуемых произведениях, и, хотя полного включения не происходит, появляется противопоставление неким третьим силам в лице политической и военной верхушки Израиля. Обратимся к следующему примеру: *Maybe because… in that moment […] she had an insight into the man he [the Palestinian] might have been if we weren't all locked into this bloody situation. A situation in which soldiers like me can find themselves beating up prisoners and breaking their arms because they threw stones. — Может быть, потому, что в тот момент она разглядела в нем [палестинце] человека, которым он мог бы быть, если бы мы все не оказались в этой проклятой ситуации. Ситуации, в которой солдаты, как я, избивают заключенных и ломают им руки за кидание камней* [Banks, 1994, p. 220].

Эти слова принадлежат молодому человеку, уже отслужившему в израильской армии. Указание на палестинцев и израильтян происходит с помощью местоимения *мы* (*we*), объединительный характер которого усиливается за счет лексемы совместности “all”.

Подобные примеры наталкивают на мысль о том, что в данных произведениях израильтяне и палестинцы все чаще выступают в роли не «своих» и «чужих», а «своих» и «иных», авторы подчеркивают стремления двух народов к поиску точек соприкосновения, к налаживанию диалога, к мирному сосуществованию. Это проявляется также и в высказываниях, сравнивающих обе стороны (*In destroying them [Palestinians], we destroy ourselves [Israelis]! They are like us! No worse, no better! — Уничтожая их [палестинцев], мы уничтожаем себя [израильтян]! Они такие же, как мы! Не хуже, не лучше!* [Banks, 1994, p. 279]); в фрагментах, где персонажи готовы поставить себя на место противоположной стороны (*The only thing that will ever make it [the situation] change is if we [Israelis] put ourselves in their shoes and try to recognize their humanity! — Единственное, что может исправить ситуацию, так это если мы [израильтяне] поставим себя на их место и попытаемся признать их человеческие права!* [Banks, 1994, p. 278]). Помимо лексем совместности, инклюзивного *we*, риторических вопросов о завершении конфликта, подобные высказывания богаты глаголами перцепции (*hear, understand, talk, listen*), могут указывать на этническую близость двух народов, зачастую носят характер лозунга или афоризма, нацелены на развенчание стереотипов, как, например, в следующем отрывке: *Maybe, if we get to know each other, talk about our differences, we can become friends instead of enemies. — Возможно, если мы лучше узнаем друг друга, поговорим о наших различиях, мы сможем стать друзьями, а не врагами* [Miklowitz, 2003, p. 108].

В финальном фрагменте произведения “The Enemy Has a Face” приводятся философские мысли главной героини, 15-летней израильской девочки Нетты, о ее дружбе с Лаисом: *We came from the same part of the world and spoke the same language, so we needed each other. Sure, we argued, but we talked and listened to each other, too. Maybe that’s how trust comes by really, listening to others so you can understand what hurts them and they can understand what hurts you. And then, maybe, you can really care enough to be friends. — Мы были родом из одного региона и говорили на одном языке, поэтому мы были нужны друг другу. Конечно, мы спорили, но мы также разговаривали и слушали друг друга. Может быть, доверие появляется именно так, когда мы слушаем других, чтобы понять, что причиняет им боль, и чтобы они могли понять, что причиняет боль нам. И тогда, возможно, мы сможем понять друг друга и стать друзьями* [Miklowitz, 2003, p. 138].

Этот фрагмент является своего рода призывом к диалогу между двумя народами: подчеркиваются сходства двух культур, обращает на себя внимание использование прагматически заряженной в данном случае единицы *needed*, лексического повтора лексемы *same* и фразы *each other*, обилие глаголов перцепции (*talk*, *listen*, *understand*) и, наконец, перекрестное построение высказывания посредством хиазма (*you can understand what hurts them and they can understand what hurts you*). Кульминацией фрагмента является лексема *friends*, которая по сути играет ключевую роль в формулировании главной мысли произведения, в названии которого использовано антонимичное слово — *enemy* (“The Enemy Has a Face”). Таким образом, разрушается стереотипное представление о возможностях развития отношений между палестинцами и израильтянами.

6. Выводы

Мы приходим к выводу о том, что в рассматриваемых произведениях репрезентация сторон конфликта проводится преимущественно с опорой на дихотомию «свои — иные». В подтверждение своих выводов приведем также мнение В. Б. Земскова, исследовавшего образы с позиции имагологии, утверждавшего что «в образах искусства иной тип аксиологичности, более аналитический, усложненный, но главное, искусство воссоздает мир “другого” не как другого-*чужого*, а как другого-*иного*» [Земсков, 2011, с. 20].

Как видно из проанализированных выше примеров, англоязычные авторы исследуемых произведений пытаются внести вклад в сглаживание противоречий между конфликтующими сторонами, предлагая свое видение противостояния, стремясь донести до англоязычной аудитории идею о близости двух народов, осознающих необходимость признания легитимности друг друга как единственную возможность на мирное сосуществование. Как отмечает в своем обзоре художественной литературы, посвященной палестино-израильскому конфликту, американская детская писательница Эльза Марстон, произведения, описывающие подобный конфликт, адресованные подростковой аудитории, призваны дарить надежду на возможное улучшение ситуации, в сюжете произведения это могут быть новые отношения, дружба, совместные старания ради общего блага, тем более что суровая политическая реальность такой надежды практически не дает [Marston, 2009, p. 29].

Источники и принятые сокращения

1. *Теория* и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — 575 с.

2. *Imagology* : The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters — A Critical Survey. Series : Studia Imagologica / ed. H. Dyserinck, J. Leerssen. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. — Vol. 13. — 476 p.

3. *Longman* Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ldoceonline.com/dictionary/rock.

4. *Longman* Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ldoceonline.com/dictionary/stone.

Литература

1. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого / Б. Вальденфельс. — Минск : Пропилеи, 1999. — 175 с.

2. *Зеленин А. В.* Немцы в русской культуре (лингвистическая имагология) / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. — 2013. — № 4. — С. 63—71.

3. *Земсков В. Б.* Россия на «переломе» / В. Б. Земсков // На переломе : образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI вв.). — Москва : Новый хронограф, 2011. — С. 4—26.

4. *Иванова Л. П.* Медиалингвистика в лингвоимагологическом аспекте / Л. П. Иванова // Медиалингвистика. Выпуск 5. Язык в координатах массмедиа : материалы I Международной научно-практической конференции (6—9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В. В. Васильева. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 165—166.

5. *Иванова Л. П.* Синтез науки — архитектуры — религии как предмет лингвоимагологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя) / Л. П. Иванова // Мир русского слова. — 2015. — № 1. — С. 52—56.

6. *Костина К. В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе : дисертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / К. В. Костина. — Иркутск, 2011. — 171 с.

7. *Михальская Н. П.* Образ России в английской художественной литературе IX—XIX вв. / Н. П. Михальская. — Москва : МПГУ, 1995. — 152 с.

8. *Ощепков А. Р.* Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 251—253.

9. *Пахолова И. В.* От «чужака» к «другому» : проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» / И. В. Пахолова // Аспирантский вестник Поволжья. — 2015. — № 7/8. — С. 90—94.

10. *Поляков О. Ю.* Имагология : теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. — 162 с.

11. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

12. *Феррони В. В.* Три лика Другого : «Другой», «Иной», «Чужой» / В. В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. — 2012. —№ 1. — С. 112—130.

13. *Шмитт К.* Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1, № 1. — С. 35—67.

14. *Banks L. R*. Broken Bridge / L. R. Banks. — New York : Avon Books, 1994. —314 p.

15. *Dyserinck H*. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Electronic resource] / H. Dyserinck // Intercultural Studies. — 2003. — № 1. — Access mode : https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf.

16. *King A*. Matzo Balls for Breakfast : and Other Memories of Growing Up Jewish / A. King. — New York : Free Press, 2005. — 272 p.

17. *Lynne* Reid Banks : raising a family on a kibbutz was everything my mother detested [Electronic resource] // The Guardian. — 11.03.2017. — Access mode : https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/mar/11/lynne-reid-banks-my-raising-family-kibbutz-mother-detested.

18. *Marston E*. Palestinians in Fiction for Young People / E. Marston // Wasafiri. — 2009. — Volume 24. — P. 27—33.

19. *Miklowitz G*. The Enemy Has a Face / G. Miklowitz. — Grand Rapids : Eerdmans Books for Young Readers, 2003. — 139 p.

20. *Moura J.-M.* L'Image du tiers monde dans le roman français contemporain / J.-M. Moura. — Paris : PU de France, 1992. — 317 c.

21. *Profile*: Lynne Reid Banks [Electronic resource] // The Guardian. — January, 2017. — Access mode : https://www.theguardian.com/profile/lynne-reid-banks.

22. *Swiderska M*. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness [Electronic resource] / M. Swiderska // CLCWeb : Comparative Literature and Culture. — 2013. — № 7. — Access mode : http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb.

Dichotomy "Own — Alien" in Discourse of Palestinian-Israeli Conflict from Point of View of Linguistic Imagology on Material of Novels by Lynne Reid Banks "Broken Bridge" and Gloria Dubov Miklowitz "The Enemy Has a Face")

© Kamalova Sofya Damirovna (2018), orcid.org/0000-0002-3714-824X, SPIN-code 3793-7435, lecturer, Department of English Language № 3, Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia), salyam19@mail.ru.

The semantic opposition "own — alien" and its transformation into a dichotomy "own — other" is considered from the position of a new interdisciplinary scientific direction — linguistic imagology. The definition of a new sphere of scientific knowledge is given with reference to the few authors developing this direction. The study is based on the material of English-language works of art devoted to the Palestinian-Israeli conflict. The authors of the studied works represent the position of the Israeli side of the confrontation. The linguistic means of realization of mechanisms and products of linguistic imagology are analyzed, such as auto- and hetero-image, stereotype, mythologeme. The semantic series "other, alien,

enemy" and their actualization in the considered works of art are investigated. On the basis of the analysis the tendency of consideration of the Israeli and Palestinian sides of the conflict is revealed through the prism of dichotomy "own — other," instead of the opposition "own — alien," indicating the desire of the authors of the studied works to identify the proximity of the two peoples, the possibility of their peaceful coexistence, as evidenced by linguistic analysis of language means. The transition of the opposite side of the conflict from the circle of "aliens" to the circle of "others" is achieved, in particular, by uniting Palestinian and Israeli characters against third forces, which is actualized through inclusive "*we*," parallel structures, aphoristic statements and rhetorical exclamations about the need to end the hostilities. Based on the results of the study, it is assumed that the English-speaking authors are in favour of smoothing the contradictions, seeking to represent the parties of the conflict as related peoples, equally willing to live in peace.

Key words: dichotomy "own — alien"; dichotomy "own — other"; linguistic imagology; Palestinian-Israeli conflict; auto-image; hetero-image.

Material resources

Chubaryan, A. O. (ed.). 2014. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskiy slovar'*. Moskva: Akvilon. (In Russ.).

Dyserinck, H., Leerssen, J. (eds.). 2007. *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters — A Critical Survey. Series: Studia Imagologica*, 13. Amsterdam; New York: Rodopi.

Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: https://www.ldoceonline.com/dictionary/rock.

Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: https://www.ldoceonline.com/dictionary/stone.

References

Banks, L. R. 1994. *Broken Bridge*. New York: Avon Books.

Dyserinck, H. 2003. Imagology and the Problem of Ethnic Identity. In: *Intercultural Studies, 1*. Available at: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf.

Ferroni, V. V. 2012. Tri lika Drugogo: «Drugoy», «Inoy», «Chuzhoy». *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1:* 112—130.

Ivanova, L. P. 2015. Sintez nauki — arkhitektury — religii kak predmet lingvoimagologicheskogo opisaniya (na materiale publitsistiki N. V. Gogolya). *Mir russkogo slova, 1:* 52—56. (In Russ.).

Ivanova, L. P. 2016. Medialingvistika v lingvoimagologicheskom aspekte. In: Vasilyeva, V. V. (ed.). *Medialingvistika. Vypusk 5. Yazyk v koordinatakh massmedia: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (6—9 sentyabrya 2016 g. Varna, Bolgariya)*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

King, A. 2005. *Matzo Balls for Breakfast: and Other Memories of Growing Up Jewish*. New York: Free Press.

Kostina, K. V. 2011. *Aksiologicheskiy aspekt yazykovoy reprezentatsii obraza Rossii v sovremennom nemetskom mediadiskurse:* disertatsiya… kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk. (In Russ.).

Lynne, Reid Banks: raising a family on a kibbutz was everything my mother detested. In: *The Guardian. 11.03.2017.* Available at: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/mar/11/lynne-reid-banks-my-raising-family-kibbutz-mother-detested.

Marston, E. 2009. Palestinians in Fiction for Young People. *Wasafiri, 24:* 27—33.

Mikhalskaya, N. P. 1995. *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX—XIX vv.* Moskva: MPGU. (In Russ.).

Miklowitz, G. 2003. *The Enemy Has a Face*. Grand Rapids: Eerdmans Books for Young Readers.

Moura, J.-M. 1992. *L'Image du tiers monde dans le roman français contemporain.* Paris: PU de France.

Oshchepkov, A. R. 2010. Imagologiya. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye, 1:* 251—253. (In Russ.).

Pakholova, I. V. 2015. Ot «chuzhaka» k «drugomu»: problema vzaimodeystviya soobshchestv v fenomenologii «chuzhogo». *Aspirantskiy vestnik Povolzhya, 7/8:* 90—94. (In Russ.).

Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. 2013. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy*. Kirov: Raduga-PRESS. (In Russ.).

Profile: Lynne Reid Banks. 2017. In: *The Guardian, January*. Available at: https://www.theguardian.com/profile/lynne-reid-banks.

Shmitt, K. 1992. Ponyatiye politicheskogo. *Voprosy sotsiologii, 1/1:* 35—67. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. 1997. *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Swiderska, M. 2013. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture, 7.* Available at: http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb.

Valdenfel's, B. 1999. *Motiv chuzhogo*. Minsk: Propilei. (In Russ.).

Zelenin, A. V. 2013. Nemtsy v russkoy kulture (lingvisticheskaya imagologiya*). Russkiy yazyk v shkole, 4:* 63—71. (In Russ.).

Zemskov, V. B. 2011. Rossiya na «perelome». In: *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kulture i literature Evropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI vv.).* Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).